

Введение в психоанализ художественного творчества

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия).

В статье автор предпринял попытку введения в тему психоанализа художественного творчества – психоаналитической критики, озвучил мнения в пользу ограниченности метода и привел его критику, рассмотрел вопрос развития психоаналитической мысли в мире и России с начала XX века и по настоящее время.

Ключевые слова: психоанализ, художественное творчество, история развития психоанализа, психоаналитическая критика, психология искусства.

«Совершенно понятно, что оценка искусства будет всякий раз стоять в прямой зависимости от того психологического понимания, с которым мы к искусству подойдем. И если мы хотим решить вопрос о том, в каком отношении находятся искусство и жизнь, если мы хотим поставить проблему искусства в плоскости прикладной психологии, – мы должны вооружиться каким-нибудь общетеоретическим взглядом, который позволил бы нам иметь твердую основу при решении этой задачи».

Л. С. Выготский. «Искусство и жизнь»¹

¹ К. В. Сельчонок. Психология художественного творчества. Мн.: Харвест, 2003, 752 с. С. 438.

Художественное творчество и личность художника попали в поле интереса психоаналитического исследования еще на заре появления научной дисциплины психоанализа в конце XIX – начале XX века в работах непосредственно Фрейда,

«<...>который обращался к художественному тексту с целью выявления психических комплексов в сознании автора. Психические феномены <...> исследовались З. Фрейдом и его последователями через поиск в произведении образов-символов, отражающих вытесняемые влечения, бессознательные импульсы, желания, отвергнутые реальностью» (Ляшенко, 2020, с. 575).

Художественное творчество с психоаналитической точки зрения, указывает Шукуров (2010), представляет собой форму отражения вытесненных влечений, остающихся неизвестными самому художнику, но персонализирующихся многообразными проявлениями: «От сюжетных линий литературных произведений и характерологических черт персонажей до специфической образности, граничащей с онейрической или психопатологической реальностью фактического автора» (с. 2). Как отмечает Петрушин (2017), «Фрейд оказался первым исследователем, который обратил внимание на значение бессознательной сферы для творческого процесса. Бессознательные мотивы, связанные со стремлением к власти, деньгам и славе, любви и смерти, на неосознаваемом уровне прорываются в художественное произведение, создавая при этом его главный выразительный художественный эффект» (с. 21). Ранние работы ученого, соразмерно, породили несколько мифов: «Миф первый: для психоаналитика искусство – это просто еще один симптом душевной болезни. И миф второй: все искусство выходит из сферы бессознательного» (с. 276), как удачно сформулировала Разгулина (2015).

Проблематике акта творения и биографиям выдающихся личностей основатель психоанализа посвятил ряд своих прижизненно изданных работ, получивших широкое распространение (Шухно, 2017). Позже в указанном русле работали такие ученые-психоаналитики, как Адлер, Бонапарт, Райх, Ранк, Юнг, Нойманн, Ранкур-Лаферьер, Абрахам, Эриксон, Фромм, Сакс, Рейк, Фрейнберг, Александер и другие. В отечественной науке, отмечает Золотарева (2015), «первые опыты анализа фрейдовского понимания художественного творчества, интерпретации конкретных произведений искусства связаны с именами В. П. Полонского, В. М. Фриче, Л. С. Выготского; позже – с именами М. Н. Афасижева, Ю. Б. Борева, А. Г. Егорова и др. [например, Т. К. Розенталь, В. А. Осипова, И. Д. Ермакова, И. П. Смирнова, С. Н. Шпильрейн, А. Халецкого, И. Григорьева. – И. Н.]» (с. 35).

Чем же психоанализ обогащает литературоведческие практики, «что может дать литературоведению фрейдовская теория динамического бессознательного?» – спрашивает Григорьев (Цит. по: Лейбин, 1994, с. 227) и соразмерно отвечает:

«Она может внести ясность в запутаннейшие вопросы психологии творческого процесса, в вопросы взаимоотношения между художником и созданным им произведением, между произведением и

действительностью; она позволяет установить органический взгляд на совокупность произведений художника как на некоторое единство» (Там же).

В западной научной традиции применение психоанализа в литературоведении обозначается термином «психоаналитическая критика» (англ. «psychoanalytical criticism»), в отечественной теории литературы не имеющим устойчивого перевода на русский язык (Долгополая, 2011). Значительно не углубляясь в исторический анализ, коротко отметим, что данная методология имела широкое распространение в Европе (в частности, в Англии) и США начиная уже с 1910-х годов. «В американском литературоведении психоаналитическая критика стала большим и влиятельным направлением, представленным работами таких исследователей, как Ф. Прескотт, В. Брукс, Г. О'Хиггинс, Дж. Крач, Л. Льюисон, Л. Фидлер. Среди английских литературоведов и критиков, внесших вклад в развитие этого направления, – Г. Рид, Ф. Лукас, Э. Джоунс, Д. Г. Лоуренс, М. Бодкин» (Мельниченко, 2012, с. 185). Впоследствии, с развитием экзистенциального и структурного психоанализа, направление получило новый импульс к развитию во Франции.

В широком смысле, отмечает Панова (2013), история психоаналитической критики как вида прикладного психоанализа может быть разделена на два этапа: на первом этапе, с 1910-х по 1930-е, еще не оформившиеся в строгие теоретические рамки научные устремления психоаналитиков осмысливали новейшее для своего времени художественное творчество (дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм), исследовали классические литературные шедевры (Достоевский, По, Твен и др.) и применяли новообразованное учение Юнга, а на втором этапе (с начала 1930-х по н.в.) психоанализ

«<...> оформляется в отдельный метод в литературоведении. В это время исследователи окончательно отказываются от использования психоаналитического метода в чистом виде. Продолжается поиск возможностей соединения его с другими методами литературоведения. В 1940-е годы возникает неофрейдизм (К. Хорни, Г. Салливен, Е. Фромм), на становление которого существенно повлияли идеи К.-Г. Юнга и А. Адлера. Дальнейшее развитие психоаналитического направления происходит в русле постфрейдизма, чья философско-эстетическая специфика связана преимущественно с соединением психоаналитических и структуралистических методов исследования. К постмодернизму относят экзистенциальный (Л. Бинсвангер, Ж.-П. Сартр, А. Мальро, С. Дубровский) и структурный психоанализ (Ж. Лакан, К. Морон, Р. Барт, Ж. Деррида)» (Там же, с. 237).

Лелли и Заламбани (2016) отмечают, что прочная связь психоанализа с литературой в России приобрела особую важность и была обречена на успех ввиду российского литературоцентризма: «Русские ученые пытаются использовать психоаналитические идеи в сфере собственных дисциплин, и психоанализ превращается в способ прочтения и интерпретации биографий писателей и их произведений; в способ расшифровки искусства и литературы, что чаще имеет отношение не к клинической

деятельности, а скорее к филологическому или философскому подходу» (с. 16).

В целом же в России психоанализ ожидала непростая судьба, полная удивительных для науки перипетий: от головокружительного взлета (по объему переводов и изданий психоаналитической литературы Россия занимала одно из лидирующих мест в мире, что заставило Фрейда назвать происходящее в стране «эпидемией психоанализа») до трагического низвержения на уровне национального запрещения марксистско-ленинской идеологией. Так, вслед за Смилянец и Челноковой (2022) мы склонны назвать судьбу психоанализа в России драматичной, что становится еще более прискорбным с учетом того, как все многообещающе начиналось; так, Лелли и Заламбани (2016) пишут:

«Россия была одной из первых стран, где получила распространение теория психоанализа, в отличие от некоторых западных государств, которые на первых порах отнеслись к идеям Фрейда с большей осторожностью. Семя психоанализа упало в России на благодатную почву по многим причинам. Вначале русских, вероятно, очаровало само понятие "бессознательное" <...> Открытия Фрейда вполне соответствовали той культурной атмосфере начала века, что царила в стране, столь охочей до всего нового, упоенной мистицизмом и принципами, и идеалами символизма» (с. 10).

На первом этапе развития психоанализа в России – просветительском (1904–1910) – начало происходить основное знакомство русскоязычного читателя с ключевыми произведениями Фрейда и ближайших его соратников (*Васёнкин, 2020*). Были изданы практически все ключевые работы Фрейда. «В России, – отмечает Долгополая (2011), – основоположником психоанализа и психоаналитической школы считается психиатр И. Д. Ермаков (1875–1942), который за поиском примеров, иллюстрирующих различные комплексы в человеке, обращался к текстам художественной литературы» (с. 8). В России фрейдизм «был одной из важных составляющих русской интеллектуальной жизни сначала 1910-х и вплоть до 1930-х годов» (*Иванов, 1998*), в то время как популяризация идей фрейдизма началась уже в начале XX века – русские врачи и ученые проходили стажировки в западных психоаналитических учебных учреждениях и приносили его в свою клиническую практику, труды Фрейда и других психоаналитиков активно издавались на русском языке (*Шилкина, 2019*). Шукуров (2012) отмечает, что психоанализ получил широкое распространение в умах русской интеллигенции, что привело к появлению многочисленных профильных учебных заведений и началу выпуска научных журналов о психоанализе.

На втором этапе развития научной дисциплины в России – адаптационном (1910–1914), – отмечает Васёнкин (2020), «начинаются активное тестирование и апробация идей З. Фрейда в практических интересах. <...> Психоанализ на этом этапе сталкивается с трудностями, связанными с отечественными социально-политическими тенденциями» (с. 195).

На третьем этапе своего развития – дезинтегративном (1914–1922) – Первая мировая война внесла свои коррективы в историю развития

метода, интенсивность научных изысканий в России ожидаемо замедлилась (чему в числе прочего способствовало общемировое распространение антинемецких и антисемитских настроений); как отмечают Смилянец и Челнокова (2022), «многие врачи-психиатры оказались на фронте, наступило время преобладания антинемецких настроений – работы психоаналитиков временно перестают публиковаться» (с. 66), общие отношения России с Европой временно были приостановлены, российская наука начала пребывать в культурной изоляции (Лелли, Заламбани, 2016). Начало Первой мировой войны, отмечают другие исследователи, ознаменовало конец расцвета науки (Рибехер, 2018). Однако «уже к 1920-м годам XX века в стране сложилась оригинальная традиция фрейдовского учения. Из психиатрической и медицинской сферы психоанализ проник и в литературоведческую область. Исследователи активно начали изучение художественных произведений с психоаналитической точки зрения» (Лелли, Заламбани, 2016, с. 212). Рибехер (2018) отмечает:

«В 1921 году в Москве создается "Психоаналитическая ассоциация исследований художественного творчества". В названии Ассоциации был заключен определенный посыл: фрейдизм не должен быть прерогативой врачей и психологов, а должен стать предметом открытой дискуссии, в которой примут участие представители интеллигенции, поэты, театральные деятели, педагоги и профессиональные революционеры. Членами Ассоциации стали многие именитые ученые и общественные деятели <...>» (с. 104).

В 1922 году было сформировано Русское психоаналитическое общество (РПСАО), просуществовавшее до 1930 года; его судьба была также полна идеологических и политических противоречий, связанных с применением психоанализа в прикладной педагогике и идеями отечественной науки о создании нового советского человека (Рибехер, 2018). «По всей стране стали возникать разного рода психоаналитические кружки и школы. Психоаналитические методы осваивались в крупных научных психологических центрах <...>», пишет Шилкина (2019, с. 116).

Четвертый этап существования психоанализа в России – институционализационный – (1922–1932), указывает Васёнкин (2020), «является наиболее плодотворным в русской истории как с точки зрения расширения русской традиции психоанализа, так и в целом как развития психологических идей» (с. 196): в печать выходит наибольшее количество монографий и сборников научных трудов, психоанализ переживает определенный подъем как научная дисциплина (Там же). В 1920–1930-х годах, в связи с интенсивным развитием социальных наук в мире, психоаналитическое движение совершило методологический поворот от «биологической обусловленности человеческого поведения к его социальной и культурной детерминации. Психоанализ оказался в поле зрения прикладных исследований, влияние идей З. Фрейда на культуру и искусство стало еще более очевидным и значительным. В частности, заметную роль в литературоведении многих стран стала играть психоаналитическая критика», указывают Корытова и Корытова (2016, с. 165). В феврале 1927 года в письме Осипову Фрейд писал: «Впрочем, дела у аналитиков Советской

России идут весьма скверно. Большевики с чего-то взяли, что психоанализ враждебен их системе. Им хорошо известно, что нашу науку вообще нельзя поставить на службу какой-либо партии, более того, для ее развития необходимо определенное свободомыслие» (Цит. по: *Драгунская*, 2013, с. 201).

К 30-м годам XX века, просуществовав в период своего расцвета не больше нескольких десятилетий («Серебряный миг русского психоанализа» пришелся «на период, совпавший по времени с дореволюционными событиями и становлением молодого советского государства» (*Корытова, Корытова*, 2016, с. 165)), научное психоаналитическое движение в России пришло в упадок: «Психоанализ с его стремлением вскрыть бессознательные страхи человека и довести до его сознания вытесненные идеологией и культурой естественные желания был обречен на изгнание и запрещение в системе, противостоящей любому инакомыслию» (*Лейбин*, 1994, с. 10) – так произошло ниспровержение авторитета научного направления вследствие доминирования в государственной идеологии тенденции отказа от наследия троцкизма (симпатизировавшего психоанализу; как указывает Васёнкин (2020, с. 197), «Л. Д. Троцкий оказывал всестороннюю поддержку психоанализу и немало способствовал его институционализации в стране») и буржуазных наук (*Корытова, Корытова*, 2016). «История психоанализа в СССР стала частью репрессивного механизма советской идеологии. Психоанализ, наряду с педологией и психотехникой, стал одной из первых жертв идеологического насилия над наукой. После 30-х годов советским психоаналитикам практически было запрещено заниматься своей научной деятельностью, многие из них подверглись аресту, ссылке и физическому уничтожению», – отмечает Шилкина (2019, с. 125). Содержательно, психоанализ в России приостановил свое развитие как в терапевтическом, так и в литературоведческом аспектах более чем на полвека: «С 1930-х гг. психоанализ попал под запрет как буржуазная идеалистическая теория, несовместимая с марксистско-ленинским учением» (*Смилянец, Челнокова*, 2022, с. 67). Под опалу попали видные деятели российского психоанализа, их научное наследие стало предметом едкой критики; так, Кацис и Руднев (1999) отмечают: «Замалчивание психоанализа в СССР, начиная с 1930-х годов, а в крайнем случае – злорадное глумление над ним и, в частности, его применением к художественному тексту, стало недоброй традицией отечественной филологии» (с. 15).

В указанном отношении иностранец-русофил (по собственному определению) и славист Ранкур-Лаферьер (2004) удачно высказался: «Насколько я понимаю, в традиционной русской культуре авторитаризма, коллективизма и нравственного мазохизма по-настоящему свободное, раскрепощенное мышление, в каком бы плане мы его ни рассматривали, реализуется с большим трудом. Но есть надежда, что в постсоветской России ситуация изменится к лучшему» (с. 5).

Лейбин (2017) отмечает: «В середине XX века развитие психоанализа достигло, пожалуй, своего апогея, особенно в США и Англии, куда в 1930–1940-х годах эмигрировало большинство психоаналитиков из

Австрии и Германии. Исключение составляли социалистические страны <...>» (с. 351). Как указывает Ганин (2013),

«в период после Второй мировой войны классический фрейдизм постепенно утрачивает свою авторитетность, в психоаналитической критике на первый план выходят направления, которые сочетают психоанализ с элементами, заимствованными у других литературоведческих школ. Значительный вклад в этот процесс внес французский философ Ж. Лакан, который сумел объединить в своем учении идеи Фрейда и опыт структурализма и постструктурализма» (с. 6).

К 1950-м годам завершился этап интенсивного интереса к психоанализу (как минимум на Западе), и последний стал закономерно угасать ввиду «недостатка научной строгости и присущей ему методологической слабости», – отмечают Корытова и Корытова (2016, с. 165); еще более категорично на данную тему высказывается Круглова (2022), отмечая: «Безусловно, недоверие к психоанализу как к методу исследования литературных произведений имеет под собой веские основания. Идеи психоанализа в течение всего периода его становления не раз пересматривались и дорабатывались З. Фрейдом и его учениками, в то же время они стремительно проникали в умы ученых и виделись им некоей панацеей, "универсальной отмычкой", которой можно вскрыть как бессознательное пациента в клинической практике, так и бессознательное автора, чей текст выступает продуктом его сублимации» (с. 228–229). При этом психоаналитическая критика «по-прежнему продолжает оставаться довольно влиятельной силой мировой психологии и как инструмент содержательного анализа продолжает свое существование в современном литературоведении многих стран Европы и Америки» (Корытова и Корытова, 2016, с. 165). На современном этапе развития научной дисциплины, пишет Галинская (2003), «психоаналитическое литературоведение есть не просто приложение психоаналитических теорий к изучению литературных произведений. Это междисциплинарное исследование, опирающееся на юнгианскую идею архаико-мифического способа мышления в сфере подсознательного и подчеркивающее коммуникативную природу искусства и психологический характер эстетического опыта [в качестве отдельного примера указанного подхода возможно, например, отметить архетипическую теорию Фрая и структурализм, см.: Куан и Ян, 2023. – И. Н.]. Отправным пунктом подхода исследователей остается фрейдовское понятие сновидения и фантазии, обряженное в эстетический наряд» (с. 22). При учете изложенного, добавляет комментарий Шевцова (2011), психоаналитическая критика сегодня представляется «старомодной»; так, «слишком монотонным и схематичным представляется стремление психоаналитиков в авторах произведений и их героях отыскать одни и те же психологические установки, в частности, сводить все и вся к пресловутому "эдипову комплексу"» (с. 14). Горелина (2008) еще более неутешительно резюмирует: «В современном литературоведении психоаналитическая методика практически не используется» (с. 25).

Важно отметить, считает Шукуров (2013), что психоаналитики на начальном этапе развития психоанализа художественного творчества не

были категоричны и не претендовали на окончательность своих интерпретаций; он добавляет: «З. Фрейд отвергает всякие попытки понять генезис и суть творческого начала; дар личности был для него необъяснимым феноменом, а вопрос о том, почему тот или другой психический комплекс находит творческое воплощение в искусстве, а не реализацию в невротической симптоматике, оставался для него без ответа» (с. 181).

При всем интересе к практическому применению психоанализа для изучения художественного творчества «психоанализ не является методом всестороннего исследования искусства, его возможности ограничены, – справедливо указывает Козырева (2017). – Он дает возможность проанализировать такие составляющие искусства, как его истоки, процесс создания художественного произведения, эмоции и символы» (с. 90). Юнг (1996) высказывался еще более категорично, говоря, что «только тот аспект искусства, который касается процесса создания произведения, может стать объектом психологического исследования, но никак не его специфическая сущность. Вопрос, чем же является искусство как таковое, должен рассматриваться эстетикой (с. 9); в некотором смысле подытоживая взгляды Юнга, Нестерова (2017) указывает: «Совершенно очевидно, что феномен творчества невозможно объяснить только в границах нашей рациональности» (с. 125). В определенной степени созвучную юнговской позицию занимал и сам Фрейд, утверждая ограниченность психоаналитического метода: «Перед проблемой художественного творчества [считал учёный. – И. Н.] психоанализ должен сложить оружие: сущность художественного творчества до конца ему недоступна» (Карцева, 2011, с. 370). Григорьев (Цит. по: Лейбин, 1994) обозначал схожую позицию:

«<...>Необходимо подчеркнуть, что психоанализ в точном смысле слова совершенно неприменим к истолкованию художественного произведения, когда мы сплошь и рядом не имеем автора в живых или не имеем возможности его расспросить. О психоанализе в применении к истолкованию художественного произведения можно говорить лишь условно, как о сходном методе» (с. 228–229).

Ходасевич и Трубецкой были еще более категоричны, отмечает Черниговский (2017): «Так, Ходасевич выступал против отождествления литературного персонажа, "реально существующей душевной сферой не обладающего", с живым человеком в качестве пациента психоаналитика. Трубецкой же, основываясь на том факте, что фрейдизм не в состоянии объяснить природу художественного таланта, писал: "Мы не можем признать никакой ценности за психоаналитическим методом... для литературоведения..."» (с. 48). Созвучную мысль со ссылкой на основателя психоанализа озвучивает Панова (2013), говоря: «Не следует смешивать задачи психоанализа с задачами литературы. Психоанализ рассматривает литературу только как сюжетно-иллюстративный материал, и сам по себе он не может объяснить разницу между шедевром и его пересказом, или между великим писателем и рядовым невротиком» (с. 236). При учете изложенного, как замечает Шевченко (2015), «психоанализ сегодня является одним из важнейших методов современного не только отечественного,

но и зарубежного литературоведения» (с. 995); похожее мнение выражает Золотарева (2015), отмечая:

«Практика "приложения" психоанализа к исследованию художественного творчества становится своеобразной традицией, влияние которой ощутимо и в наши дни. Все более увеличивается список имен художников и созданных ими произведений, подвергнутых психоаналитическому разбору (Б. Шоу, П. И. Чайковский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, П. Пикассо, Г. Гессе, Ф. Кафка, Д. Г. Лоуренс и др.)» (с. 41).

Зададимся вопросом: как все последнее соотносится с теми многочисленными оговорками, озвученными ранее, что должны приниматься во внимание при рассмотрении художественного творчества с позиций психоанализа? Ответ, как нам видится, кроется в том, что при всех своих ограничениях в прикладном аспекте психоанализ (и родственные ему школы, как аналитическая психология или индивидуальная психология) остается ключевым психологическим инструментом к пониманию бессознательного, богатейшего по своей глубине источника творчества, креативности и вдохновения – «из-за содержания в нем [(психоанализе). – И. Н.] истины, из-за разъяснений, которые он нам дает о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности, из-за связей, которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности» (Фрейд, цит. по: Лейбин, 1994, с. 14).

Вернемся к истории развития психоанализа в России. «Только в общем контексте демократический перемен, – указывает Лейбин (1994), – наметившихся во второй половине 80-х годов, произошло возвращение Фрейда в Россию и возрождение психоанализа в нашей стране» (с. 11). Формальную реабилитацию психоанализа в России получил только в 1990-е годы по президентскому указу № 1044 от 19.07.1996 г. «О возрождении и развитии психоанализа» (Шилкина, 2019), что, однако, в части психоаналитической критики выглядело несколько иначе: «Его [(психоанализа). – И. Н.] "реабилитации" как литературоведческой методологии так в полной мере и не произошло до сих пор» (Круглова, 2022, с. 229). Как справедливо отмечают Смилянец и Челнокова (2022),

«<...> начинается реабилитация психоаналитического движения – учреждаются психоаналитические ассоциации и общества, открываются институты психоанализа, создаются исследовательские центры, отделения и школы. С одной стороны, это время можно считать самым настоящим "Возрождением" психоанализа в России, но, с другой стороны, чрезмерное количество организаций разного качества привело к обесцениванию психоанализа в представлении россиян на рубеже XX и XI вв. и резкому уменьшению количества психоаналитиков, работающих, главным образом, в частных кабинетах в Москве и Санкт-Петербурге» (с. 67).

В указанном периоде и по настоящее время интерес к психологии художественного творчества (в широком смысле слова) в России сохранялся на слабо-умеренном уровне, при этом некоторыми авторами даются осторожные оптимистичные прогнозы в его отношении:

«Психоаналитический подход к литературной критике в отечественной мысли, несмотря на непродолжительную пока историю развития, имеет

свою, в отличие от западной, специфику и свои интенции развития. Это дает возможность предположить, что оригинальная отечественная концепция психоаналитической литературной критики имеет все средства для того, чтобы обогатить философский дискурс, предложив ему новые аспекты понимания и интерпретации текста» (Городович, 2003, с. 19–20).

Согласно нашим сведениям, специализированных работ, отдельно посвященных психоанализу художественного творчества (что не стоит путать с частными примерами психоаналитических исследований конкретных образцов художественного), на русском языке не издавалось. Так, удивительным образом сохраняется положение дел, описанное Мейлахом еще в 1980-х годах: «<...> психология художественного творчества в качестве самостоятельной дисциплины не признается ни литературоведческими, ни искусствоведческими институтами, ни университетами. Очень мало и книг. За последние десятилетия их можно пересчитать по пальцам» (Цит. по: Мейлах, Хренов, 1980, с. 6).

Среди немногочисленных публикаций, затрагивающих тему и относительно легкодоступных современному читателю, в печать были выпущены: «Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль» (1994, под ред. В. М. Лейбина) с кратким историческим экскурсом в вопрос развития психоанализа в России и примечательной статьей И. Григорьева по теме исследования литературы, «Художник и фантазирование» (1995, под ред. Р. Ф. Додельцева и К. М. Долгова), собравшее внушительное количество работ основателя психоанализа в области исследования художественного творчества, «Психоанализ и искусство» К. Г. Юнга и Э. Нойманна (1996, под ред. С. Л. Удовика), включивший работы видных аналитических психологов по теме, «Классический психоанализ и художественная литература» (2002, под ред. В. М. Лейбина), включившая классические работы по теме за авторством Фрейда, Адлера, Райха, Юнга, Фромма и других аналитиков, а также значительный раздел с отечественными исследованиями художественного, «Психология художественного творчества» (2003, сост. К. В. Сельченко) с краткими работами Ранка, Выготского, Иванова и Мелетинского по темам психоанализа и аналитической психологии в приложении к литературоведению, «Русская литература и психоанализ» Д. Ранкур-Лаферьера (2004, под ред. В. М. Лейбина, В. И. Овчаренко и С. А. Ромашко), объединившая статьи разных лет посвященные известным русским писателям с позиций психоаналитической критики, «Психоанализ и искусство» (2011, сост. Е. А. Спиркина), включивший некоторые примеры прикладных психоаналитических исследований, «Психоанализ творчества и прикладные психоаналитические исследования» (2023, сост. Е. С. Мордас и Л. П. Фрейлих), собравший разнородные статьи по теме психоаналитических исследований художественных произведений. Иные же работы (например, «Психология процессов художественного творчества» (1980, под ред. Б. С. Мейлаха и Н. А. Хренова) или более современные «Основы психологии художественного творчества» А. Л. Гройсмана (2003), «Психология художественного творчества» Л. Р. Золотаревой (2015), «Психология и педагогика художественного творчества» В. И. Петрушина (2017) и

«Практическая психология художественного творчества» И. В. Лопатовой (2018)) посвящены в большей степени общепсихологическим аспектам художественного творчества и психоанализа практически не касаются.

Настоящая работа предприняла попытку дать общую характеристику психоаналитической критике, кратко рассмотреть ее и психоанализа историю развития, подсветить ограничения психоаналитического метода в приложении к литературоведению и дать сжатый обзор литературы, доступной в настоящий момент для русскоязычного читателя, по указанной теме. К каким основным выводам мы приходим по результатам исследования? В первую и основную очередь мы должны отметить, что психоаналитическая критика, пройдя относительно длинный путь развития, по состоянию на сегодняшний день оформилась в самостоятельный как для литературоведения, так и для психоанализа метод исследования. С уверенностью мы можем утверждать, что объем академических и прикладных публикаций (преимущественно западных, вынуждены отметить) по теме говорит о сохраняющемся на среднем уровне в научном сообществе интересе, хотя и не переживающем периода своего расцвета, что скорее было характерно для середины прошлого столетия, когда «психоанализ по-прежнему оставался очень продуктивным для западноевропейских филологов, и его понятийный и терминологический аппарат стал достоянием современного литературоведения» (Ломова, Ботатаева и Нуркасымова, 2021, с. 41).

В отечественной научной практике помимо отсутствия систематических исследований психоаналитической критики мы можем констатировать достаточно слабый интерес к теме; как убедительно отмечает Круглова (2022):

«Психоаналитический метод в настоящее время крайне редко используется в отечественном литературоведении. Это может быть связано с необходимостью владеть психоаналитическим языком описания, значительно усложнившимся с появлением неопрейдистских и постструктуралистских концепций. Но что еще важнее, в литературоведческой науке сложились определенные стереотипы благодаря скептическому отношению литературоведов и писателей в первой трети XX века к опытам первых психоаналитиков на поле интерпретации художественных произведений» (с. 228).

Так, мы можем выдвинуть предположение, что недопредставленность российских исследований в обсуждаемой области оставляет психологам, психоаналитикам и литературоведам поле для дальнейших научных изысканий: в частности, в интересах полноценного оформления отечественной психоаналитической критики остается открытым пространство определения основных принципов и понятий подхода, выработки общих методологических принципов выполнения соответствующих исследований, а также формулировки внутренне непротиворечивых образцов междисциплинарных исследований художественного творчества и художников.

Выскажем частное мнение, что изыскания в данной области обладают возможностью значительно обогатить российскую психоаналитическую мысль и внести весомый вклад в развитие отечественной науки и гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васёнкин А. В.* Из истории психоаналитического движения в России, 1904–1932 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 2 (35). С. 192–200.
2. *Галинская И. Л.* Психология художественного творчества // Культурология. 2003. № 4(27). С. 18–27.
3. *Ганин В. Н.* Психоаналитическая критика как литературоведческий метод // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 3. С. 6.
4. *Горелина И. Ю.* Психоанализ и литература: от теории З. Фрейда к психиатрическому литературоведению В. П. Белянина // Гуманитарные науки. 2008. С. 24–27.
5. *Городович О. В.* Психоаналитический подход в литературной критике в России // Актуальные проблемы социальных наук: Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук». 2003. С. 17–20.
6. *Долгополая М. С.* Русская классика в методологии английской психоаналитической критики // Филологический журнал. 2011. № 18. С. 7–9.
7. *Драгунская Л. С.* Изучение современного гуманитарного психоанализа и проблема университетского образования // Вестник РГГУ. 2013. № 18 (119). С. 197–215. (Серия «Психология. Педагогика. Образование».)
8. *Золотарева Л. Р.* Психология художественного творчества. Алматы: Эверо, 2015. 485 с.
9. *Иванов А. В.* Учебное пособие по изучению литературоведческих методологий XX века (психоаналитическая критика, структурализм, структурно-семиотический метод, мифологическая критика). Могилев, 1998. 45 с.
10. *Карцева Г. А.* Рациональное и иррациональное в процессе художественного творчества // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 12. С. 368–371.
11. *Кацис Л., Руднев В.* Две правды о профессоре Ермакове // Логос. 1999. Т. 5. С. 15.
12. *Козырева Т. В.* Психоанализ как метод исследования искусства и художественного произведения // Осмысливая современность: Сборник материалов I международной научно-практической конференции. 2017. С. 90–91.
13. *Корытова А. И., Корытова Г. С.* Психология литературного творчества как научное направление: этап становления (последняя треть XIX – первая половина XX в.) // Вестник ТГПУ. 2016. № 11 (176). С. 162–169.

14. *Круглова Е. Е.* Стратегии анализа и практика изучения И. С. Тургенева в психоаналитическом аспекте // *Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве.* 2022. С. 227–237.
15. *Куан С., Ян Ч.* Архетипическая литературная критика и структурализм // *Философия и культура.* 2023. № 5. С. 87–97.
16. *Лелли И., Заламбани М.* Федор Достоевский в интерпретации Татьяны Розенталь: предвосхищение Фрейда / Пер. с итал., электрон. текстовые дан. Ижевск: ERGO, 2016. 53 с.
17. *Лейбин В. М.* Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. 384 с.
18. *Лейбин В. М.* Психоанализ: история, современность и перспективы // *Психологические и психоаналитические исследования.* 2017. С. 347–367.
19. *Ломова Е. А., Ботатаева У. А., Нуркасымова А.* Рецептивно-эстетические изыскания англо-американского литературоведения при анализе художественного нарратива И. Тургенева // *Norwegian Journal of Development of the International Science.* 2021. № 59-2. С. 39–44.
20. *Ляшенко Т. М.* Юнгианский психоанализ как метод исследования литературного произведения в вузе // *Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XIII Международной научно-практической конференции.* 2020. С. 574–577.
21. *Мельниченко Т. В.* Психоаналитическая критика Англии и США первой половины XX века // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2012. № 4. С. 185–192.
22. *Мейлах Б. С., Хренов Н. А.* Психология процессов художественного творчества. Л.: Наука, 1980. 286 с.
23. *Нестерова О. Ю.* Природа творчества в философии психоанализа // *Манускрипт.* 2017. № 5 (79). С. 123–125.
24. *Панова Н. Ю.* К вопросу о психоанализе в литературе: теоретический аспект // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2013. №7-2. С. 234–242.
25. *Петрушин В. И.* Психология художественного творчества. М.: Юрайт, 2017. 232 с.
26. *Разгулина М. В.* Абстракция и бессознательное. Пит Мондриан // *Третьяковские чтения. 2014: Материалы отчетной научной конференции.* 2015. С. 275–282.
27. *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. М.: Ладомир, 2004. 1017 с.
28. *Рихебехер С.* Опасные связи с властью. Психоанализ в большевистской России // *Теория и практика психоанализа: Ежегодный сборник научных трудов.* Вып. 4. М.: Кредо. 2018. С. 101–116.
29. *Смилянец П. А., Челнокова А. В.* Психоанализ в России XX в. – специфика развития // *Будущее клинической психологии – 2022: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* 2022. Вып. 16. С. 63–68.
30. *Шевченко Н. И.* Психоанализ как основа методологии изучения литературы // *Молодой ученый.* 2015. № 3(83). С. 995–998.

31. Шевцова Л. И. Теория литературы: учебно-метод. комплекс для студ. филол. фак. дневной и заочной форм обучения. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2011. 133 с.
32. Шилкина И. С. Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) // РСМ. 2019. № 3 (104). С. 108–129.
33. Шукуров Д. Л. Литература русского авангарда и психоанализ // Вестник ИГЭУ. 2010. №1. С. 1–6.
34. Шукуров Д. Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 175–188.
35. Шукуров Д. Л. Психоаналитические аспекты изучения истории русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 213–215.
36. Шухно Е. В. Ограничения психоаналитического метода при изучении художественного творчества // Национальная философия в глобальном мире: Тезисы первого Белорусского философского конгресса. 2017. С. 204–205.
37. Черниговский Д. Н. Из истории изучения психоанализа литературы в русской эмиграции (об опыте исследования творчества А. С. Пушкина с точки зрения фрейдизма) // Advanced Science. 2017. № 4(8). С. 47.
38. Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Ваклер, 1996. 304 с.

An introduction to the psychoanalysis of artistic creativity

I. Yu. Nikitin

Nikitin Ilya Yu., Master of Arts in Integral Psychology (John F. Kennedy University, USA), Organizational psychologist (National Research University Higher School of Economics, Russia).

In the article, the author provides an introductory word to the psychoanalysis of artistic creativity – psychoanalytic criticism –, voices opinions in favor of the limitations of the method and provides its criticism, examines the issue of the development of psychoanalytic thought in the world and Russia from the beginning of the XX century to the present.

Keywords: psychoanalysis, artistic creativity, the history of the development of psychoanalysis, psychoanalytic criticism, psychology of art.